

ПРОБА ПЕРА / FIRST STEP

Научная статья / Research article

**«Исламское движение Узбекистана» как вызов стабильности на
постсоветском пространстве**

А. А. Щерба¹, Н. С. Ахмедова², Е. Д. Казьмина³

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

¹E-mail: 1132223149@rudn.ru

²E-mail: 1132223147@rudn.ru

³E-mail: 1132223152@rudn.ru

Аннотация. В статье рассмотрены причины, приведшие к популяризации исламизма в Узбекистане, – экономическая стагнация, низкий уровень заработной платы, безработица, коррупция и поддержка исламизма из-за рубежа. Отмечается, что ключевой предпосылкой и причиной радикализации и исламизации Узбекистана выступает так называемый «афганский фактор». Рассмотрена хронология и идеология формирования «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ). Авторы статьи приходят к выводу о том, что проблема религиозного экстремизма сохраняет высокую актуальность в Узбекистане, в связи с чем его правительство предпринимает систематические попытки нейтрализовать данную внутреннюю угрозу. Международное сообщество и страны-соседи проявляют заинтересованность в обеспечении антитеррористической безопасности в республике. Проанализированы две позиции в отношении рассматриваемого вопроса: мнения о пессимистичном сценарии развития событий в Узбекистане и оптимистичные прогнозы.

Ключевые слова: исламизм, террористическая группировка, Узбекистан, Россия, «Исламское движение Узбекистана», «Исламское государство», «Талибан»

Для цитирования: Щерба А. А., Ахмедова Н. С., Казьмина Е. Д. «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ) как вызов стабильности на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. 2023;3(6):352-360.

**«Islamic movement of Uzbekistan» as a challenge of stability
in the Post-Soviet region**

Anton A. Shcherba¹, Nigina S. Akhmedova², Elizaveta D. Kazmina³

RUDN University, Moscow, Russia

¹E-mail: 1132223149@rudn.ru

²E-mail: 1132223147@rudn.ru

³E-mail: 1132223152@rudn.ru

Abstract. The article deals with the causes that led to the popularization of Islamism in Uzbekistan – economic stagnation, low wages, unemployment, corruption and support for Islamism from abroad. It is noted that the key reason of the radicalization and Islamisation of Uzbekistan is the so-called Afghan factor. The chronology and ideology of the formation of the Islamic Movement of Uzbekistan (IMU) is considered. The authors of the article conclude that the problem of religious extremism remains highly relevant in Uzbekistan, and its government is making systematic attempts to neutralize this internal threat. The international community and neighboring countries are showing interest in ensuring security in Uzbekistan. Two approaches to this issue are considered: pessimistic opinions on the developments in Uzbekistan and optimistic forecasts.

Key words: islamism, terrorist group, Uzbekistan, Russia, «Islamic movement of Uzbekistan», «Islamic state», «Taliban».

For citation: A. A. Shcherba, N. S. Akhmedova, E. D. Kazmina «Islamic movement of Uzbekistan» as a challenge of stability in the post-soviet region // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2023;3(6):352-360. (In Russ.).

Современная эпоха ознаменовалась колоссальной интенсификацией радикальных религиозных движений, среди которых наиболее явно выделяются группировки исламистской направленности. Новости о противоправных действиях экстремистских организаций подобного рода встречаются в медийном пространстве практически ежедневно [Сафарова 2018: 601]. Присутствие исламистских радикалов прослеживается в большинстве стран, где проживают мусульмане, в том числе и на постсоветском пространстве, в особенности – в государствах Центральной Азии. Деятельность экстремистских группировок дестабилизирует политическую обстановку в регионе и соседних странах, превращая Центральную Азию в полигон противостояния между «светскими и религиозными моделями» [Сафарова 2018: 600].

Наибольшую известность приобрела радикальная террористическая группировка «Исламское государство» (ИГ)¹, образованная ещё в начале 2000-х гг. в Ираке под лозунгом создания единого фронта глобального джихада² – противодействия геополитическим «врагам ислама». Пик влияния ИГ был достигнут в 2014 г. в период разгара гражданской войны в Сирии. Тогда же под влиянием одного из подконтрольных «Исламскому государству» объединений – группировки Хорасан (ИГ Хорасан) – оказались территории пяти центральноазиатских государств. Постепенно влияние «Исламского государства» в мировом масштабе стало сходить на нет, однако полностью уничтожить проявления ИГ оказалось невозможным. В связи с этим многие исследователи, политики и правозащитники говорят о постепенном формировании движения «ИГ 2.0», ключевой

целью которого является свержение легитимных правительств центральноазиатских государств для последующего распространения своей власти на всей евразийской территории [Хопёрская 2018: 49].

Для понимания сложившейся ситуации необходимо обратиться к доктринальным основам исламистской идеологии, предпосылкам и причинам её распространения в рассматриваемом нами регионе. Специфической особенностью мусульманской религии является подчинение её нормам всех сторон индивидуального и общественного бытия – догматической, обрядовой, бытовой, экономической, общественной и политической. Соответственно, отношение представителей радикального ислама к конкретному политическому режиму также основывается на религиозных представлениях [Маргулис, Демиденко 2019: 167]. Базовым нарративом, таким образом, становится идея об «очищении» и возврате к следованию консервативному исламскому религиозно-правовому учению [Маргулис, Демиденко 2019: 169].

При этом возрождение концепции «очищения» совпало с рядом закономерностей социально-экономического и политического развития Центральной Азии, ставшими благодатной почвой для распространения экстремистских религиозных движений. Политическими факторами, обусловившими популяризацию радикального ислама в странах Центральной Азии в целом и в Узбекистане – в частности, стали следующие:

– отсутствие гражданского сознания и развитых демократических институтов, практика силовой смены власти и политическая нестабильность;

¹ Организация, запрещённая в Российской Федерации.

² Джихад (араб.: الجهاد / al-jihād – усилие, борьба) – борьба за веру. Первоначально под джихадом понималась борьба в защиту и за распространение ислама. Обычно джихад означает вооружённую

борьбу с неверными во имя торжества ислама, и в этом значении его синонимом у немусульман выступает «священная война». См. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 66–67.

– взаимозависимость политик и экономик региона: изменения в одной стране нарушают стабильность соседних государств [Атамали 2021: 51].

Многие исследователи говорят о том, что радикализация населения Узбекистана не является собой следствие возрождения интереса к исламу как таковому на постсоветском пространстве. О. Н. Новикова, к примеру, указывает, что причинами радикализации следует назвать, скорее, авторитарный характер властных режимов и бедность населения [Новикова 2021: 208]. Л. Л. Хопёрская, в свою очередь, приходит к следующему выводу: «социальной базой ИГ в государствах Центральной Азии выступает безработная молодежь»; именно бедность становится в абсолютном большинстве причиной роста численности членов экстремистских групп в Узбекистане [Хопёрская 2018: 50]. «Новый халифат» становится для жителей Центральной Азии привлекательной альтернативой суровой постсоветской действительности [Хопёрская 2018: 51].

При этом, если говорить о глубинных причинах роста экстремизма, можно предположить, что он укореняется не в периоде после распада СССР, времени относительного процветания центральноазиатских советских республик, а в более ранних исторических этапах. Данный регион на протяжении столетий отличался обилием политических, социально-экономических и межэтнических проблем, в связи с чем эти территории стали «удобными районами для скрытой деятельности террористических формирований» [Гусев, Тихова 2019: 83]. Можно сказать, что густонаселенные, раздробленные и социально разнородные области Центральной Азии исторически были предрасположены как к генерации деструктивных общественных объединений, так и к восприятию радикальных идей из-за рубежа.

Тем не менее, всё же в качестве основных причин распространения исламизма в Узбекистане большинство исследователей называет именно текущую социально-

экономическую и политическую ситуацию в стране. С. Б. Маргулис, в частности, говорит, что причинами исламизма в Узбекистане следует считать экономическую стагнацию, низкий уровень заработной платы, безработицу, «всеобъемлющую, тотальную коррупцию», отсутствие социальной защиты [Маргулис 2020: 171]. К.Е. Атамали представляет следующий перечень причин религиозной радикализации населения Узбекистана:

– «повсеместное нарушение справедливости» в обществе, что впоследствии стало основанием для исламистов обосновывать противоправные действия стремлением восстановления справедливости;

– распад СССР привёл к массовому разочарованию людей в новых политических режимах, к экономической стагнации, к идеологическому вакууму, заполненному впоследствии исламом;

– поддержка исламизма из-за рубежа, победа движения «Талибан»¹ в Афганистане, сформировавшая благоприятный фон для роста радикальных настроений;

– этническо-исторические факторы: по мере «огосударствления» Центральной Азии районы проживания различных этнических групп оседлого и кочевого населения вошли в состав различных республик, что привело к этнической гетерогенности и эскалации конфликтов на почве принадлежности к определенному этносу;

– межпоколенческий конфликт: молодые люди, входящие в состав экстремистских группировок, выражают несогласие с официальным духовенством («верхушка суфийских тарикатов») [Атамали 2021: 54].

Помимо вышеперечисленных причин, существует ещё одна, крайне значимая закономерность, которая на сегодняшний момент справедливо считается ключевой предпосылкой и причиной радикальной исламизации и милитаризации Узбекистана. Речь в данном случае идёт, безусловно, о так называемом «афганском факторе». Узбекистан исторически и географически связан с Афганистаном, кроме того, граждане

¹ Организация, запрещённая в Российской Федерации.

двух стран весьма схожи в религиозном, языковом и культурном аспектах. Текущая ситуация в Афганистане является одной из ключевой тем глобальной геополитической и региональной повесток дня [Хопёрская 2018: 54]. Кроме того, события, происходящие в Афганистане, имеют непосредственное влияние на популяризации исламистского радикального движения в Узбекистане. К примеру, в настоящее время группировка «Исламское государство» имеет свои ячейки, по меньшей мере, в 20 провинциях Афганистана из 34, а общая её численность варьируется от 10 до 20 тыс. человек. Взаимодействие представителей «Талибан» и радикалов из Узбекистана также становится очевидным при рассмотрении отдельно взятых исламистских формирований в Центральной Азии. В качестве одного из таких объединений, играющих знаковую роль в распространении исламизма, выступает «Исламское движение Узбекистана» (узбекск.: Ўзбекистон исломий ҳаракати / O'zbekiston islomiy harakati).

«Исламское движение Узбекистана» (ИДУ) или Исламское движение Туркестана¹ представляет собой салафитско-джихадистскую военизированную группировку, целью которой является свержение существующего в республике государственного строя для создания шариатского правительства. ИДУ было организовано в 1996 г. после объединения разрозненных группировок в единую политико-военную структуру. Основатель – Тахир Юлдашев, бывший советский военнослужащий (убит предположительно в 2009 г.) В деятельности ИДУ можно усмотреть два вектора – ближний и дальний. Своим «ближним» врагом идеологи ИДУ считают первого президента Узбекистана И. А. Каримова и его последователей, а также иные режимы республик центральноазиатского региона, а врагом

«дальним» – США, Россию, Израиль и другие страны мира. Несмотря на религиозную политику И. А. Каримова, целью которой стало обретение контроля над религиозными учреждениями, ИДУ с 1996 г. начало активно пополняться новыми членами за счёт притока приверженных экстремисткой идеологии граждан Узбекистана, а также за счет лиц, оппозиционно настроенных к правящему режиму. Существенная доля членов ИДУ была сформирована из состава этнических узбеков, проживающих на территории Киргизии и Таджикистана.

Идеологически ИДУ представляет собой радикальный салафитский ислам, с присущей ему опорой на идеи о глобальном джихаде. Иерархия ИДУ предполагает наличие трёх уровней участников: командного состава, моджахедов² и мирного, сочувствующего населения, проявлявшего лояльность по отношению к экстремистам и оказывающего систематическую или точечную поддержку данному формированию. Функционирование ИДУ в течение нескольких десятилетий стало возможным благодаря эффективной военно-идеологической подготовке её участников. В целом система идеологической обработки реализуется в ИДУ согласно шаблонам «Талибана» и «Исламского государства», к сожалению, доказавшим на практике свою состоятельность. При этом, руководство ИДУ в своей стратегии делает акцент на исторической памяти народа Узбекистана, проводя аналогии в т.ч. с басмачами, которые вели справедливое противостояние с представителями советской власти. В приоритетные задачи руководства ИДУ входит дискредитация режима И. А. Каримова и его преемников, а также формирование негативного отношения ко «врагам ислама» в целом, в частности, к христианам и «продолжателям дел коммунистов» [Маргулис, Демиденко 2019: 59]. На современном этапе распространение

участники движения вооруженной афганской оппозиции в период Афганского конфликта 1979–1989, а в последующие годы – боевики движения «Талибан» и мусульманские иностранные наёмники, принимавшие участие в боевых действиях в «горячих точках» по всему миру.

¹ Организация, запрещённая в Российской Федерации.

² Моджахед (араб. مجاهد / mujāhid – борющийся), согласно мусульманской традиции, участники джихада, как направленного на борьбу с духовными и социальными пороками, так и связанного с вооруженной борьбой против неверных в защиту ислама. Наименование «моджахед» присвоили себе

исламистского экстремизма среди узбекского населения реализуется на базе призывов к антиавторитаризму, противодействию насилию и коррупции правящей администрации [Бактыбаева 2020: 305].

Высокие темпы популяризации ИДУ отчасти объясняются активным медийным присутствием группировки на территории Узбекистана и соседних стран: агитационные материалы и аудиозаписи публикуются на студии «Джундаллах»; ИДУ проводит пропагандистскую работу среди населения, публикует видео казней и акций боевиков, видеоролики, призывающие людей присоединиться к политике джихада [Бактыбаева 2020: 306].

Деятельность ИДУ с момента основания и до сегодняшнего дня характеризуется высокой интенсивностью террористических нападений. Приведем в качестве примеров ряд хронологических эпизодов, дающих представление о целях и методах формирования.

16 февраля 1999 г. боевики взорвали 5 СВУ в Ташкенте. Целью данной серии терактов было убийство президента И. А. Каримова. 9 августа того же года ИДУ похитило мэра и трёх чиновников из населенного пункта, расположенного в западной части Киргизии. 23 августа ИДУ захватило группу японских геологов и восемь киргизских солдат [Бактыбаева 2020: 311–312]. В августе 1999 г. группа из более 600 узбекских радикалов захватила несколько высокогорных сёл на территории Киргизии, и начала продвижение к границам Узбекистана. Однако впоследствии планы по захвату территорий Узбекистана были отложены, а большая часть членов ИДУ была передислоцирована в Афганистан (2000 г.) с целью наращивания ресурсов и проведения военно-идеологической подготовки.

В 2000-х гг. ИДУ примкнуло к талибам для противостояния американским военным силам и, по сути, на данном этапе перестало существовать как самостоятельная группировка. Более того, в 2014 г. лидер узбекских экстремистов Усман Гази (убит талибами осенью 2015 г.) присягнул Исламскому государству, что привело к дополнительному оттоку членов ИДУ в ряды

группировок «Талибан» и «Исламское государство Хорасан» [Маргулис, Демиденко 2019: 59]. До прихода к власти «Талибана» основные отряды ИДУ базировались в северных провинциях Афганистана – Фарьяб, Сари-Пуль и Джаузджан [Малышева 2022: 100]. Наибольшая активность наблюдалась в близких к афгано-таджикской и афгано-узбекской границе населённых пунктов. Штаб-квартира же находилась в г. Кветта (Исламская республика Пакистан). Представители ИДУ принимали участие в военном конфликте в Сирии, где вели боевые действия против правительственных сил. В результате многие из полевых командиров были убиты, а в самой группировке с 2015 г. наблюдался раскол после смерти Усмана Гази.

Сегодня же фиксируется обратная тенденция: ИДУ, можно сказать, наращивает ресурсную базу, возвращается на территорию Узбекистана и постепенно обособляется от иных крупных формирований, фокусируясь на территории страны и борьбе с её официальным режимом. По разным оценкам, в настоящее время ИДУ может насчитывать от 700 до 2000 человек, включая членов семей боевиков, а также выходцев из Центральной Азии, которые покинули ИГ – Хорасан и вступили в ряды ИДУ [Малышева 2022: 100].

Проблема религиозного экстремизма сохраняет высокую актуальность в Узбекистане, в связи с чем его республиканские власти предпринимают систематические попытки нейтрализовать данную внутреннюю угрозу. Во многом меры и реформы, проводимые правительством, обусловлены давлением международной общественности и руководством соседних стран, в частности России. Ведь Узбекистан становится «осиным гнездом», откуда идеи радикального ислама стали проникать на территории всех остальных республик Центральной Азии» [Булкин, Моисеенко 2020: 483].

Вышеотмеченная череда терактов и похищений, произошедших в 1999 г., привели к необходимости модернизации законодательного массива страны. В частности, был утверждён Закон «О борьбе с

терроризмом»¹, внесены изменения в Уголовный Кодекс², Закон «О свободе совести и религиозных объединениях»³. В последующем Узбекистан присоединился к Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом»⁴, наряду с Россией, Таджикистаном, Китаем, Казахстаном и Кыргызстаном.

Жёсткие меры, тотальный мониторинг проявлений экстремизма, безусловно, стали действенными шагами по снижению градуса радикального исламизма в стране, однако полностью нейтрализовать данную тенденцию, к сожалению, не представляется возможным в ближайшей перспективе. Среди последних попыток взять под контроль процессы радикальной исламизации в Узбекистане можно отметить Закон «О противодействии экстремизму» от 2018 г.⁵ Более того, в Узбекистане действует норма пожизненного заключения за участие в террористической формации⁶. Не исключена также реформа по возврату практики смертной казни. Отдельно следует выделить законодательную норму, предусматривающую лишение гражданства страны для участников экстремистских организаций⁷.

Как отмечено выше, исламисты распространяют сведения о своей деятельности и ведут пропаганду среди населения посредством СМИ. Это обстоятельство привело к осознанию правительством Узбекистаном того факта, что в данном случае необходима ответная симметричная мера. Таким образом, в течение 5 последних лет была выстроена система масс-медийного инструментария, применяемого в целях нейтрализации исламистской пропаганды.

Как и во многих других странах, ИДУ, помимо прочих радикальных экстремистских

формирований, довольно быстро и действенно освоило виртуальное пространство в целях пропаганды и вербовки новых сторонников. Во многих случаях сетевая активность идеологов ИДУ распространяется и на граждан Российской Федерации, а также Киргизии, Таджикистана, Афганистана и иных стран. В связи с этим в 2018 г. правительства Узбекистана и Таджикистана подписали план комплексной стратегии «Чистая сеть», призванный имплементировать систему виртуального мониторинга интернет-публикаций и трекинга подозрительной активности [Хопёрская 2018: 51].

Рассмотрев текущие тенденции и факты, мы можем сказать, что в целом правительство Узбекистана довольно успешно борется с организованной преступностью, связанной с радикальными исламскими концепциями. Тем не менее, нерешёнными остаются причины, приведшие к распространению идей ИДУ в стране – безработица, низкий уровень социальной защиты населения или её принципиальное отсутствие, недостаточный авторитет «официального» духовенства, политическая нестабильность и рост оппозиционных настроений.

В данном контексте вполне логичным представляется тот факт, что международное сообщество и страны-соседи проявляют заинтересованность в обеспечении антитеррористической безопасности в Узбекистане. Республика ведёт активное сотрудничество в рассматриваемой нами области в контексте функционирования организаций СНГ, ОДКБ и ШОС.

Деятельность ИДУ с течением времени приобретает глобальный масштаб. Как указывают Л.Ю. Гусев и В.В. Тихова, к концу 1990-х гг. ИДУ представляла собой «несколько сотен узбекских и таджикских боевиков, но теперь в ней тысячи боевиков из

¹ Закон Республики Узбекистан, от 15.12.2000 г. № 167-II.

² Закон Республики Узбекистан, от 23.09.2016 г. № ЗРУ-411.

³ Закон Республики Узбекистан, от 05.07.2021 г. № ЗРУ-699.

⁴ Постановление Олий Мажлиса Республики Узбекистан, от 30.08.2001 г. № 274-II.

⁵ Закон Республики Узбекистан, от 30.07.2018 г. № ЗРУ-489.

⁶ Уголовный кодекс Республики Узбекистан (Утвержден Законом РУз от 22.09.1994 г. N 2012-II).

⁷ Закон Республики Узбекистан, от 10.08.2015 г. № ЗРУ-389.

всех государств Центральной Азии, а также Китая, Турции, Азербайджана и России» [Гусев, Тихова 2019: 83]. Все вышеперечисленные страны, а также многие другие государства выражают обеспокоенность по данному поводу. В Киргизии, к примеру, ИДУ является лидирующей по количеству членов исламистской организацией [Сафарова 2018: 602].

В заключение следует рассмотреть возможные пути развития событий в Узбекистане. Отметим, что сегодня «Исламское движение Узбекистана» – самое сильное и агрессивное формирование в центральноазиатском регионе. Группировка, безусловно, представляет долгосрочную угрозу и взаимодействует со многими иными объединениями, в том числе и из России. Потенциально исламистский радикализм может оказать значимое негативное влияние на динамику сотрудничества России и Узбекистана [Базылева, Черненко 2016: 512].

Согласимся с А.И. Кулагиным, по мнению которого, существует риск того, что УДУ способно «вдохновиться лёгкой победой талибов и активизировать свою деятельность на постсоветском пространстве» [Кулагин 2016: 112]. М.Г. Зинчук, в свою очередь, также приходит к выводу о том, что «победа талибов может поменять сознание и других радикально настроенных группировок» [Зинчук 2022: 55]. Анализируя

существующие авторские позиции [Казанцев, Гусев 2018; Маргулис, Демиденко 2019; Новикова 2021; Савкович 2017 и др.] в отношении будущего Узбекистана как источника радикалистской нестабильности на постсоветском пространстве, можно говорить о том, что в научном массиве существует два взгляда в отношении рассматриваемого вопроса: мнения о пессимистичном сценарии развития событий в Узбекистане и оптимистичные прогнозы.

Согласно пессимистичным оценкам, Узбекистан столкнётся с дальнейшим ухудшением социально-экономического положения «на фоне ослабления государственного контроля и позиций силовых структур», и станет возможен революционный взрыв» [Казанцев, Гусев 2018: 300]. Такая ситуация, безусловно, усилит позиции радикальных исламистов и существенно обострит террористическую угрозу для России. В рамках же второго из обозначенных подходов проявится эффективность текущих правительственных реформ и международного сотрудничества ради обеспечения стабильности в регионе. Меры по либерализации экономики могут создать предпосылки для повышения качества жизни граждан, усиления притока зарубежного капитала, и, как следствие, будут способствовать угасанию радикальных настроений в широких массах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов А.В., Федорченко С.Н., Курьлев К.П.* Сетевая природа международного терроризма и возможности консолидации российского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 738-748.
- Атамали К.Е.* Терроризм как угроза региональной безопасности Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2021. № 2 (320). С. 51–59.
- Ахмедов Х.Т.У.* Участие Узбекистана в развитии военно-политической интеграции и обеспечении региональной безопасности в Центральноазиатском регионе // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 4. С. 1180-1186.
- Базылева С.П., Черненко Е.Ф.* Сотрудничество Узбекистана и России как стабилизирующий фактор на евразийском пространстве // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2016. № 3. С. 505–520.
- Бактыбаева А.Н.* Терроризм в СНГ: узбекский джихадизм. Исламское движение Узбекистана // Постсоветские исследования. 2020. № 4. С. 304–314.
- Булкин В.В., Моисеенко К.С.* Терроризм в Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан) // Постсоветские исследования. 2020. № 6. С. 479–486.

- Гусев Л.Ю., Тихова В.В. Вызовы безопасности на постсоветском пространстве на примере стран Южного Кавказа и Центральной Азии // *Обозреватель – Observer*. 2019. № 1 (348). С. 76–86.
- Зинчук М.Г. Последствия для стран СНГ прихода к власти движения «Талибан» в Афганистане // *Постсоветские исследования*. 2022. № 1. С. 50–56.
- Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Реформы во внешней политике Узбекистана: основные достижения и сценарии развития // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2018. № 2. С. 292–303.
- Кулагин А.И. Афганский наркотрафик – угрозы для России и Европы // *Научный журнал*. 2016. № 7 (8). С. 111–118.
- Курьлев К.П., Курбанов Р.М. Понятие «международный терроризм» согласно конструктивистской школе международных отношений // *Журнал политических исследований*. 2019. Т. 3. № 1. С. 76–82.
- Курьлев К.П., Рамич М.С. Терроризм в Центральной Азии и Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики // *Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения»*. 2020. № 2. С. 91–102.
- Малышева Д.Б. Постсоветская Центральная Азия: угроза религиозного экстремизма с юга // *Международная жизнь*. 2022. № 6. С. 96–105.
- Маргулис С.Б. Доктринальные основы формирования исламского фундаментализма // *Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки*. 2020. № 3. С. 165–174.
- Маргулис С.Б., Демиденко С.Б. К вопросу о радикализации ислама в Центральной Азии на примере ИДУ и ПИВТ // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2019. № 6. С. 44–63.
- Новикова О.Н. В зоне внимания Европы: процессы радикализации в Центральной Азии // *Актуальные проблемы Европы*. 2021. № 4 (112). С. 191–216.
- Савкович Е.В. Республика Узбекистан: Российский и китайский вектор. Взгляд из Сибири // *The Newman in Foreign policy*. 2017. № 39 (83). С. 67–68.
- Сафарова Г.Ф. Эволюция исламского экстремизма в странах Центральной Азии // *Постсоветские исследования*. 2018. № 6. С. 600–615.
- Хопёрская Л.Л. «Исламское государство 2.0»: нарастающая угроза на евразийском пространстве // *Caucasian Science Bridge*. 2018. № 1 (1). С. 49–62.

REFERENCES

- Abramov A.V., Fedorchenko S.N., Kurylev K.P. Setevaya priroda mezhdunarodnogo terrorizma i vozmozhnosti konsolidacii rossijskogo obshchestva // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2017. Т. 17. № 4. S. 738–748.
- Ahmedov H.T.U. Uchastie Uzbekistana v razvitii voenno-politicheskoj integracii i obespechenii regional'noj bezopasnosti v Central'noaziatskom regione // *Postsovetskie issledovaniya*. 2019. Т. 2. № 4. S. 1180–1186.
- Atamali K.E. Terrorizm kak ugroza regional'noj bezopasnosti Tsentral'noj Azii // *Rossiya i musul'manskiy mir*. 2021. № 2 (320). S. 51–59.
- Bazyleva S.P., Chernenko E.F. Sotrudnichestvo Uzbekistana i Rossii kak stabiliziruyushchiy faktor na yevraziyskom prostranstve // *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2016. № 3. S. 505–520.
- Baktybayeva A.N. Terrorizm v SNG: uzbekskiy dzhikhadizm. Islamskoye dvizheniye Uzbekistana // *Postsovetskiye issledovaniya*. 2020. № 4. S. 304–314.
- Bulkin V.V., Moiseyenko K.S. Terrorizm v Tsentral'noj Azii (Tadzhikistan, Uzbekistan, Turkmenistan) // *Postsovetskiye issledovaniya*. 2020. № 6. S. 479–486.
- Gusev L.YU., Tikhova V.V. Vyzovy bezopasnosti na postsovetskom prostranstve na primere stran Yuzhnogo Kavkaza i Tsentral'noj Azii // *Obozrevatel' – Observer*. 2019. № 1 (348). S. 76–86.

- Zinchuk M.G. Posledstviya dlya stran SNG prikhoda k vlasti dvizheniya «Taliban» v Afganistane // Postsovetkiye issledovaniya. 2022. № 1. S. 50–56.
- Kazantsev A.A., Gusev L.YU. Reformy vo vneshney politike Uzbekistana: osnovnyye dostizheniya i stsennariy razvitiya // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 2018. № 2. S. 292–303.
- Kulagin A.I. Afganskiy narkotrafik – ugrozy dlya Rossii i Yevropy // Nauchnyy zhurnal. 2016. № 7 (8). S. 111–118.
- Kurylev K.P., Kurbanov R.M. Ponyatie «mezhdunarodnyj terrorism» soglasno konstruktivistskoj shkole mezhdunarodnyh otnoshenij // ZHurnal politicheskikh issledovanij. 2019. T.3. № 1. S. 76–82.
- Kurylev K.P., Ramich M.S. Terrorism v Central'noj Azii i Sin'czyan-Ujgurskom avtonomnom rajone Kitajskoj Narodnoj Respubliki // Vestnik RGGU. Seriya «Evrazijskie issledovaniya. Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya». 2020. № 2. S. 91–102. DOI: 10.28995/2686-7648-2020-2-91-102
- Malysheva D.B. Postsovetuskaya Tsentral'naya Aziya: ugroza religioznogo ekstremizma s yuga // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2022. № 6. S. 96–105.
- Margulis S.B. Doktrinal'nyye osnovy formirovaniya islamskogo fundamentalizma // Vestnik MGOU. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki. 2020. № 3. S. 165–174.
- Margulis S.B., Demidenko S.B. K voprosu o radikalizatsii islama v Tsentral'noy Azii na primere IDU i PIVT // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskiye nauki. 2019. № 6. S. 44–63.
- Novikova O.N. V zone vnimaniya Yevropy: protsessy radikalizatsii v Tsentral'noy Azii // Aktual'nyye problemy Yevropy. 2021. № 4 (112). S. 191–216.
- Savkovich E.V. Respublika Uzbekistan: Rossiyskiy i kitayskiy vektor. Vzgl'yad iz Sibiri // The Newman in Foreign policy. 2017. № 39 (83). S. 67–68.
- Safarova G.F. Evolyutsiya islamskogo ekstremizma v stranakh Tsentral'noy Azii // Postsovetkiye issledovaniya. 2018. № 6. S. 600–615.
- Khoporskaya L.L. «Islamskoye gosudarstvo 2.0»: narastayushchaya ugroza na yevraziyskom prostranstve // Caucasian Science Bridge. 2018. № 1 (1). S. 49–62.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Щерба Антон Александрович,
Магистрант в области «Международных
отношений» РУДН. Москва, Россия. E-mail:
1132223149@rudn.ru

Ахмедова Нигина Сухбатовна,
Магистрант в области «Международных
отношений» РУДН. Москва, Россия. E-mail:
1132223147@rudn.ru

Казьмина Елизавета Денисовна,
Магистрант в области «Международных
отношений» РУДН. Москва, Россия. E-mail:
1132223152@rudn.ru

Anton A. Shcherba, Master student in
International Relations Department of RUDN
University. Moscow, Russia. E-mail:
1132223149@rudn.ru

Nigina S. Akhmedova, Master student in
International Relations Department of RUDN
University. Moscow, Russia. E-mail:
1132223147@rudn.ru

Elizaveta D. Kazmina, Master student in
International Relations Department of RUDN
University. Moscow, Russia. E-mail:
1132223152@rudn.ru